

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174806-822>

Ханмурзаев Исмаил Ибрагимович

младший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

xanmurzaev@yandex.ru

НИСБЫ В МАТЕРИАЛАХ МЕСТНЫХ АРАБОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена актуальной в отечественном востоковедении теме – проблеме идентификации нисб в арабографических документах Северо-Восточного Кавказа. Данная работа носит прикладной характер. Целью написания статьи является выявление наиболее общих закономерностей и характерных особенностей образования и написания нисб в условиях бытования арабского языка в Дагестане. Кроме того, исследователь поставил перед собой задачу составления справочного инструментария в виде словаря нисб с их идентификацией. Проблема написания нисб тесно связана с проблемой письма на арабской графике в Дагестане вообще. В этой связи на основе анализа имеющихся источников дается предварительная периодизация особенностей использования арабской графики на письме. В виду того, что не было единых четко установленных правил правописания нисб, они каждый раз писались по усмотрению автора документа. Это обстоятельство создает серьезные проблемы при переводе и изучении этих документов, затрудняет введение их в научный оборот. Особенно проблематичным это становится для исследователей извне. Источником словаря нисб послужили материалы эпистологографического характера, исторические хроники, памятные и актовые записи, хронографы из частных и примечетских коллекций Дагестана, а также материалы фондов ИИАЭ ДФИЦ РАН, Центрального государственного архива (ЦГА) РД. В результате исследования были выявлены общие тенденции и закономерности образования имен относительных прилагательных, а также составлена таблица нисб, образованных от северокавказских ойконимов. Как было отмечено выше, данная работа в целом носит прикладной характер и предназначена прежде всего для востоковедов, арабистов, а также других исследователей, занимающихся изучением дагестанских арабографических исторических источников.

Ключевые слова: арабистика; нисбы; аджам; кумыкский язык; аварский язык; арабографическая письменность; рукописи; историческая топонимика; топонимы Дагестана; Чечня; Северный Кавказ.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174806-822>

Ismail I. Khanmurzaev,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
xanmurzaev@yandex.ru

NISBAS IN THE LOCAL ARABOGRAPHIC SOURCES ON HISTORY OF THE NORTH-EAST CAUCASUS OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. The article discusses a topical issue of the Russian Oriental studies – the issue of identification of nisbas in arabographic documents of the North-East Caucasus. The study aims to identify the most general patterns and characteristic features of the formation and writing of nisbas in the context of the Arabic language in Dagestan. Moreover, the author attempts to compile a reference toolkit in the form of a nisba dictionary with their identification. The problem of writing nisbas is closely related to the issue of writing Arabic script in Dagestan in general. In this regard, based on the analysis of available sources, a preliminary periodization of the features of the use of Arabic graphics in writing is given. Since there were no clearly established rules for spelling nisbas, each time they were written at the discretion of the authors of the documents. This condition creates serious problems in the translation and study of these documents, complicates their introduction into scientific use. This becomes especially problematic for foreign researchers. The source of the nisba dictionary was materials of an epistolographic nature, historical chronicles, memorandums and act records, chronographs from private and mosque collections of Dagestan, as well as materials from the collections of the IHAE DFRC RAS, the Central State Archives of the Republic of Dagestan. As a result of the research, general tendencies and patterns of the formation of relative adjectives were identified, and a table of nisbas, derived from the North Caucasian oikonyms, was compiled. The present work is generally of practical nature and is intended primarily for orientalists, Arabists, as well as other researchers of Dagestan Arabographic historical sources.

Keywords: Arabic studies; nisbas; ajam; Kumyk language; Avar language; arabographic writing; manuscripts; historical toponymics; Dagestan toponymy; Chechnya; North Caucasus.

Значимость работы по выявлению и изучению арабоязычных исторических источников была осознана еще в первые годы установления советской власти в Дагестане. Перед коллективом вновь созданного в 1924 г. Института национальных культур (позднее – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, а ныне – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального научного центра Российской академии наук), была поставлена задача организации поисковой работы. С первых лет основания института проводились изыскательные работы по выявлению и сбору арабоязычных рукописей, старопечатных книг, материалов по эпистолографии. В 1963 г. был создан отдел восточных рукописей, и эта работа приняла более планомерный характер [1, с. 424]. Она продолжается и в наши дни. В Дагестане на регулярной основе проводятся археографические и эпиграфические экспедиции, в ходе работы которых обнаруживаются и вводятся в научный оборот новые неизвестные ранее арабографические материалы.

При работе с местными источниками исследователь неизбежно сталкивается с проблемой расшифровки нисб, топонимов, приведенных в тексте. Проблематика идентификации нисб в той или иной степени оказывалась затронутой в работах советских, российских востоковедов, занимавшихся изучением северокавказских арабографических источников. Среди них необходимо особенно отметить имена таких ученых как М.-С. Саидов, М. Гайдарбеков, А.Р. Шихсаидов, Г.М.-Р. Оразаев, Р.Ш. Шарафутдинова Х.А. Омаров, Т.М. Айтберов. В большинстве своем это выражалось в виде пояснений и комментариев к отдельным нисбам и топонимам из текстов, вводимых в научный оборот новых арабографических источников. Специальных исследований, посвященных собственно нисбам гораздо меньше. К таковым относится не дошедший до нас, но известный по воспоминаниям И.Ю. Крачковского, указатель географических и племенных названий, встречающихся в исторической хронике Мухаммада Тахира ал-Карахи, составленный в предвоенные годы советским кавказоведом А.Н. Генко [2, с. 183]. Проблематике идентификации арабоязычных дагестанских топонимов посвящены несколько специальных работ ныне покойного дагестанского ученого Г.М. Мирзамагомедова. Добротный разбор наиболее распространенных нисб аварского происхождения проведен в статье российского востоковеда М.О. Бобровникова [3, с. 113–133].

Несмотря на наличие ряда работ по указанной тематике, она все еще остается недостаточно изученной и разработанной. В этой связи весьма актуальным в отечественном востоковедении, на наш взгляд, является вопрос создания корпуса нисб, встречающихся в арабографических документах Северо-Восточного Кавказа.

Именно нисбы и особенности их образования в условиях Дагестана являются объектом нашего исследования. Данная работа задумана как один из пробных опытов создания словаря нисб (преимущественно дагестанских и чеченских). При этом автор отдает себе отчет в том, что представленная статья далеко не исчерпывающая и в будущем еще предстоит большая работа по составлению

сводного словаря северокавказских нисб. В целом работа носит прикладной характер, она задумана прежде всего, как справочное пособие, призванное помочь специалистам-источниковедам, арабистам, занимающимся изучением местных арабографических источников.

Наиболее информативными источниками для поставленной задачи являются письма, акты, памятные записи на арабском и местных языках. Немалый пласт интересующих нас данных содержится также в журналах делопроизводства как царского периода, так и начального периода установления советской власти. Не менее информативными в этом отношении являются местные исторические хроники на арабском, тюркских и других восточных языках, некоторые из которых опубликованы. Определенная информация по этой тематике содержится в материалах по арабской эпиграфике в Дагестане и Чечне.

В большинстве своем изученные источники относятся к периоду между началом XVIII – первой четвертью XX вв., хотя изредка встречаются материалы, датированные 60–70-ми гг. XX в.

Указанные выше материалы хранятся в Фонде восточных рукописей и Научном архиве Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН в г. Махачкала, к ним относятся как эпистологографические источники, так и различные исторические хроники. Еще более значительный массив этих источников, в особенности эпистологографии, содержится в различных фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан. Значительное количество писем хранится и в музейных, частных, примечетских коллекциях.

Орфографические особенности арабографической топонимики

Проблема правописания нисб и топонимов тесно связана с арабографическим письмом в Дагестане вообще, которое здесь называлось *аджамом*. В этой связи по предварительным и весьма общим наблюдениям можно выделить несколько этапов в использовании арабского алфавита на Северо-Восточном Кавказе, в первую очередь это касается Дагестана.

Первый этап (не позднее первой половины XVI в.) характеризуется использованием в письме только лишь букв арабского алфавита. Его условно можно назвать архаичным. К его отличительным чертам относится достаточно редкое употребление так называемых «слабых букв» арабского алфавита для передачи гласных звуков, к которым относятся буквы ^ا «алиф», ^و «вав» и ^ي «йа».

На следующем этапе, с середины XVII – начала XIX в. широкое применение получило использование новых графем, образованных на основе уже имеющихся, но с дополнительными диакритическими точками над или под ними.

Не подлежит сомнению влияние иных восточных традиций на преобразование арабского алфавита под нужды местных языков. Очевидно, что первичным источником заимствования дополнительных графем в местных языках служил

северокавказский тюрки, в основе своей восходящий к ордынской арабографической письменной традиции [4, с. 85]. Кроме того, прослеживается влияние иных тюркских (азербайджанского и староосманского) и персидского языков, знакомство, с которыми вероятно подтолкнуло дагестанских писцов к частичной реформе арабского письма. Таким образом в орфографии местных языков получают распространение графемы для звуков «г» – گ, «п» – پ, «ч» – چ, «ц» – چ, а также другие графемы, для передачи консонантной системы дагестанских языков, такие как چ, چ.

Приблизительно с того же времени на письме стали активнее применяться буквы, обозначающие долгие гласные. Арабский язык отличается от дагестанских языков тем, что его вокальная система четко различает характер звука по краткости и долготе, чего нет в местных языках. В таких обстоятельствах при письме на аджаме звук, обозначающий долгую гласную, может появляться совершенно произвольно. Однако при этом можно наблюдать тенденцию выделять долготой главный ударный слог.

Ну и, наконец, выделяется непродолжительный по длительности третий этап, приходящийся на 20–30-е гг. XX в. В этот период для нужд культурного и языкового строительства в Дагестане по заданию молодого Советского государства для письменных языков был разработан и использовался так называемый реформированный аджам. С введением нового алфавита ситуация с письмом сильно изменилась, теперь вокализм более последовательно отображался на письме. Все эти преобразования, разумеется, самым непосредственным образом коснулись и написания нисб и топонимов.

Образование нисб, в условиях бытования арабского языка в Дагестане, имело свои особенности, прежде всего связанные со спецификой местных языков. Наиболее существенным из них, на наш взгляд, является отсутствие единых установленных норм написания топонимов. Дело заключается в том, что авторы источников, используя арабские буквы, пытались в нисбе, используя границы, задаваемые арабицей, максимально точно передать оригинальное звучание названия населенного пункта. При этом они неизбежно сталкивались со сложностями, обусловленными рядом объективных факторов. Очевидным фактом является то, что звуковой состав арабского языка не совпадает с местными языками. В подобных условиях приходилось приспособлять систему арабского алфавита для нужд письма местных языков. В большинстве своем в них консонантная система богаче, богаче и вокализм. В сложившихся обстоятельствах писцам на первых порах неизбежно приходилось использовать одну арабскую графему для передачи нескольких разных звуков. Параллельно с этим фиксируются случаи, когда для передачи одного и того же звука используются различные буквы. При этом их употребление никак не регламентировалось, каждый писал на свое усмотрение. В результате слова, написанные арабским шрифтом, в большей степени узнавались, нежели читались.

Принимая во внимание все вышеприведенные обстоятельства, точная идентификация нисб порой бывает затруднительна даже для дагестанских уче-

ных-источниковедов, знакомых с местной географической номенклатурой, не говоря об исследователях извне. Разумеется, человеку, владеющему арабским языком для решения этой задачи, могут помочь карты и географические указатели населенных пунктов. Однако, как показывает практика, простого знакомства с современной географической номенклатурой часто оказывается недостаточно. И этому есть свое объяснение: в исторических источниках в написании ойконимов отражены реалии звучания их в тот период времени, когда эти источники написаны. В местных языках идут естественные, непрерывные, необратимые процессы изменения. И в силу этих преобразований нынешнее произношение названия топонима может несколько отличаться от прежнего. В современных географических указателях и картах воспроизведены реалии нашего времени и написание названий населенных пунктов приближено к нормам русской речи. Отсюда появляется «расстояние» между звучанием на местном языке и переложением его на русский язык. В довершение всего приведенные в документах той поры топонимы могут вовсе отсутствовать на современных картах. Они могли быть разрушены, покинуты, переименованы и т.д.

Несомненно, что в каждом отдельном случае на написание нисб оказывал влияние звуковой строй родного языка писца. В виду пространности темы исследования и невозможности, в рамках данной статьи, привести исследуемые сведения по всем письменным (арабографическим) языкам Дагестана, эти особенности будут показаны на примерах кумыкского и аварского языков. Выбор этих двух языков обусловлен следующим обстоятельством. Автор ставил целью, в пределах требований, предъявляемых к объемам статьи, по возможности максимально широко показать своеобразие образования нисб в дагестанских письменных источниках. С этой целью были выбраны указанные выше языки, представляющие две различные языковые группы: кумыкский – тюркские, а аварский – нахско-дагестанские языки. Нам представляется, что исследование в таком формате будет более репрезентативным и содержательным. Кроме того, в расчет принимались и количественные показатели. Дело в том, что наибольшее число исследованных нами источников составлено носителями этих языков.

Каждая из этих групп имеет свои отличительные черты. К примеру сказать, к особенностям тюркской группы относится наличие богатой системы вокализмов, а у нахско-дагестанской – богатая консонантная система. Кроме того, разбор особенностей образования нисб от кумыкских топонимов даст возможность в будущем проследить общие закономерности, сходства и различия в образовании имен относительных в других тюркских языках Кавказа и Средней Азии, использовавших арабский язык в делопроизводстве.

Кумыкский язык

Специальных исследований, посвященных истории возникновения и развития арабографической системы письма (аджам) у кумыков нет. Известно, что

территория проживания кумыкского этноса входила в состав Золотой Орды, в которой, наряду с другими системами письма, не раньше конца XIV в. использовалась арабица. Таким образом, у нас есть веские основания полагать, что после распада Улуса Джучи кумыки как тюркский народ, очевидно, унаследовали в том числе и письменность. Уже концу XV – началу XVI в. мы имеем множественные образцы официального делопроизводства, написанные старокумыкской письменностью (северокавказский тюрки), сформировавшейся на базе официальных традиций Золотой Орды. Вместе с тем, в ходе дальнейшего развития немалое влияние на кумыкский письменный язык оказывали также азербайджанская и османская традиции.

В современном кумыкском алфавите, состоящем из 39 букв отсутствуют эквиваленты 8 из 28 букв арабского алфавита, это – ع, ظ, ط, ض, ص, ذ, ح, ث [5, с. 22]. Тем не менее все они используются на письме, прежде всего в составе заимствованных из арабского языка слов.

Заднеязычный смычный взрывной звук «кʷ» на письме может иногда передаваться через заднеязычный фрикативный «ɟʷ». Например, القربداغي [ʼал-қарабудāғи] и الغربداغي [ʼал-ғарабудāғи], القداري [ʼал-Қадāри] и الغداري [ʼал-Ғадāри] (из с. Кадар).

Фрикативный звук «с» в кумыкском языке на арабице может передаваться как через س, так и через зазубный эмфатический ص. Примечательно, что в кумыкском языке не имеется подобия эмфатическому ص, также как в нем нет аналогов остальным подобным звукам ظ, ط, ض. Тем не менее в письме они используются, как было отмечено выше в составе заимствованных из арабского языка слов. В то же время наблюдается некоторая тенденция использовать на письме эмфатические буквы в исконно кумыкских словах с корневыми гласными заднего ряда – а, у, о, ы, например, اليخصي [ʼал-Йахси] (из сел. Аксай). Подобное явление можно наблюдать и в азербайджанском языке – الالصوي [ʼал-Илисуўи] (из сел. Илису). Хотя достаточно распространена и параллельная форма الالصوي [ʼал-Илисуўи].

В случае отсутствия аналога какого-нибудь арабского звука он может замещаться ближайшим к нему по месту образования звуком, что соответственно получало отражение и на письме. Так по этой причине, например, нисба кумыкского села Хамза-юрт встречается в двух вариациях الحمزيورتي [ʼал-Хамзайūrти] и الهمزيورتي [ʼал-Хамзайūrти].

Что же касается системы вокализмов в кумыкском языке, то в нем имеются восемь гласных звуков – а, е, и, о, оь, у, уь, ы [6, с. 196], тогда как в арабском языке гласных всего три – ʼа, ʼи, ʼу. Если для передачи отсутствующих в арабском языке согласных использовались дополнительные графемы, то в отношении гласных аналогичного решения проблемы не наблюдается. Как правило, на письме гласные не передаются. Однако при надобности передача всех этих восьми гласных осуществляется посредством трех имеющих знаки кратких гласных, либо сочетанием этих гласных с соответствующим им согласных звуков (ا, و, ي). Через знак «даммы» на письме в кумыкском языке могут пере-

даваться как губные, заднего ряда «у», «о», так и переднерядные лабиализованные гласные «оь», «уь», например, нисба от названия сел. Доргели (кум. Дёргели) пишется *الدركلي* [’ад-Дуркили]. Относительное прилагательное от названия сел. Утамыш (кум. **О**ьтемиш) имеет форму *الاولتامشي* [’ал-’Утāмиши], а нисба от сел. Костек (кум. Кёстек) – *الكستكي* [’ал-Кустāки]. Посредством знака «кясры» передаются негубной гласный переднего ряда «и», негубной переднего ряда «е», а также нелабиализованный заднего ряда «ы», например, нисба сел. Казанище (кум. Къазаныш) *الغزانشي* [’ал-Ғазāниши], сел. Темираул (кум. Темираул) *التيمري* [’ат-Тимири]. И наконец знаком «фатха» передаётся гласный переднего ряда «а», а также переднерядный звук «е», например, нисба от ойконима Буглен (кум. Буглен) *البكلاني* [’ал-Буклāни].

Аварский язык

Наиболее ранние арабографические записи на аварском языке датируются серединой XV в. Как и в других языках, на раннем этапе в письме использовались одни лишь арабские буквы. Однако для аварского языка, имеющего тридцать три консонанта и пять гласных фонем, этот алфавит не полностью отвечал потребностям. Процесс подстраивания арабского алфавита под нужды аварского языка затянулся на несколько столетий.

На рубеже XVIII в. хунзахским ученым Дибир-кади был разработан алфавит для аварского языка. Позднее для обозначения латеральных звуков «лʔ», «л1» была введена в оборот буква *ل*, где у Дибир-кади наблюдается разнописание [7, с. 140]. Несмотря на имеющиеся недостатки, этот алфавит с некоторыми изменениями использовался вплоть до революции.

В целом письмо на аварском аджаме имело следующие характерные особенности. Дорсально-зубной спирант «с» имел несколько буквенных соответствий. Он мог передаваться как буквой *س*, так и буквой *ص*, например, *الانسكلي* [’ал-Унсукули] и *الانصكلي* [’ал-’Унсукли] (из сел. Унцукуль). Этой фонеме нередко соответствовала на письме также буква *ث*, например, *الثغوري* [’ас-Сугūри] (из сел. Согратль), *الثوخي* [’ас-Сиўухи] (из сел. Сивух), *الثمدي* [’ас-Сумуди] (из сел. Сомода). Этой же буквой *ث* могла передаваться аффриката «ц», например, *الثمري* [’ас-Симири] (из сел. Цемер). Наряду с этим та же самая графема изредка использовалась и для передачи звука «ш», например, *الهموثي* [’ал-Хамуси] (из сел. Амуши).

Для записи аффрикат «ч», «ч1» помимо графемы *چ* нередко применялось написание через *ج*. Например, *الجركاوي* [’ал-Джиркāўи] и *الچركاوي* [’ал-Чиркāўи] (из сел. Чиркей), *الجنكوتي* [’ал-Джункūти] и *الچنكوتي* [’ал-Чунгūти] (из сел. Дженгутай), *الجوخي* [’ал-Джūхи] и *الجوخي* [’ал-Чūхи] (из сел. Чох).

Переднеязычные аффрикаты «ц» и «ц1» передавались первоначально графемой *الزطنخي* – *ز* [’аз-Затāнихи] (из сел. Цатаних), *الزبوتي* [’аз-Зубūти] (из сел. Зубутли). Позднее для этой цели стала использоваться заимствованная из персидского алфавита литера *ژ* – *الزلقني* [’ал-Цилиқи] (из сел. Цилитль), *الزطنخي*

[’ал-Цатанихи] (из сел. Цатаних), الزبوطي [’ал-Цубтӯи] (из сел. Зубутли). Вместе с тем нередки случаи использования для записи этих фонем буквы – س (س) [’ас-Силили] (из сел. Цилитль), السطنخي [’ас-Саṭанихи] (из сел. Цатаних), الهاسالوخي [’ал-Хәссәлӯхи] (из сел. Гацалух).

Буквой ك передавался целый ряд аварских звуков, как смычных, так и аффрикатов – «г», «к», «кI», «кк», «кIкI».

Неординарные подходы зафиксированы для передачи на арабице латеральных звуков. Если на ранних этапах для их передачи применялась по большей части одна лишь буква ل, то позже наблюдается разнообразие средств. К примеру, для отображения аварского латерального абруптива «кь» могли использоваться следующие графемы ط, ق, ل. В результате этой вариативности, например, нисба от названия села Голотль имеет три формы: الهوللي [’ал-Хулӯлли], الهلوطي [’ал-Хулӯти], الهلوقي [’ал-Хулӯқи]. Этот же звук «кь» мог передаваться посредством удвоенного ل, например, العرلخي [’ал-’Арллӯхи] (из сел. Артлух). После Октябрьской революции для отображения этой же фонемы использовалась графема ق, образованная от буквы ق, например القروشي [’ал-Курӯши] (из сел. Тлярош).

Подобная ситуация наблюдается и с геминированным и негеминированным латеральным спирантом «лʔ». Если более раннему периоду характерно применение букв ك и ل, например, الصغركي [’ас-Суграки] (из сел. Согратль), الملقّي [’ал-Милилқи] (из сел. Мехельта), то позднее он мог передаваться также одной из следующих букв – ل, ق, например, الميلطي [’ал-Милилти], الايلي [’ал-’Или] (из сел. Итля).

Несколько вариантов написания имел дорсальный спирант «хʔ», получивший на письме следующие буквенные вариации: ك (ك), ك (ك) и ه. Например, الكني [’ал-Кини] и الكني [’ал-Кини] (из сел. Хинуб), الهندخي [’ал-Хиндахи] и الكندخي [’ал-Киндахи] (из сел. Хиндах).

Увулярная аффриката «хʔ» обычно передавалась буквой خ, например, الطوخي [’ат-Тӯхи], الخرتكوني [’ал-Хартикӯни] (из сел. Хвартикуни). Затем в начале XX в. для трансляции этого звука стала применяться графема ش, например الطوخي [’ат-Тӯхи] (из сел. Тлох), الميسطه روخي [’ал-Мйстирӯхи] (из сел. Местерух).

Гласные звуки на письме как правило не отображались. В случае необходимости для передачи звука «о» использовалась «дамма», а для фонем «е» и «э» – «кясра».

Таким образом упомянутое выше отсутствие единых правил правописания как в кумыкском, так и аварском языках приводит в результате к образованию нескольких вариантов написания ойконимов и, следовательно, к тому, что образуется сразу несколько вариантов нисб. К примеру, от названия сел. Голотль Шамильского района РД возможно образование шесть вариаций: الهلوطي [’ал-Хулӯти], الهلوقي [’ал-Хулӯқи], الهوللي [’ал-Хулӯлли], الهلوقي [’ал-Хулӯқи], الهلوقي [’ал-Хулӯқи], الغلوقي [’ал-Гулӯқи]. Сел. Согратль имеет четыре варианта имен носительных الثغوري [’ас-Сугӯри], الصغوري [’ас-Сугӯри], الصغري [’ас-Суграли], الصغركي [’ас-Суграки]. В отношении села Эндирей в источниках зафиксиро-

вано три варианта нисб: الاندرِيّ [’ал-’Индири], الاندارِيّ [’ал-’Индāри], الاندراوِيّ [’ал-’Индираўи]. Три варианта имеет село Аксай اليخسيّ [’ал-’Йахси], اليخسيّ [’ал-’Йахси] и اليخساوِيّ [’ал-’Йахсаўи]. По две вариации нисб имеют село Ассаб, Шамильского района РД العسليّ [’ал-’Асали] и العسويّ [’ал-’Асаўи]; а также село Очло, Хунзахского района РД العچلويّ [’ал-’Учлуўи] и العچليّ [’ал-’Учли] и т.д. Такие же вариации наблюдаются и в отношении многих других населенных пунктов Дагестана.

Структурные особенности образования нисб

Названия населенных пунктов могут быть как простыми, состоящими из одного слова, так и составными – из двух, трех частей. От подобного рода ойконимом возможны три способа образования имени относительного. Во-первых, они могут целиком транслитерироваться, например, الكنجه اوليّ [’ал-’Кинджи-аўули] (из сел. Генжеаул), النسكنتيّ [’ан-’Наскinti] (из сел. Наскент), الداشلوكنتيّ [’ад-’Дашлукinti] (из сел. Дашлукент), الخلمك اوليّ [’ал-’Халиммик аўули] (из сел. Халимбекаул). При втором способе образования вычленяется основа и отбрасываются все излишние, избыточные с точки зрения смысла элементы топонимов. К таковым относятся такие элементы как кент, -аул, -юрт, -росо, -махи, -стан, например, الدبويّ [’ад-’Дубаўи] (из сел. Дуба-юрт), الحليم بيكيّ [’ал-’Халим бики] (из сел. Халимбекаул), الزاويّ [’ал-’Цāци] (из сел. Цоци-Юрт), الغربداغيّ [’ал-’Гарабудāги] (из сел. Карабудакент). И, наконец, третий способ допускает использование в качестве основы одной или двух составных частей ойконимов, при этом остальные части названия подразумеваются. Так, например, от составного названия кумыкского села Кумторкала (‘хум+тёр+кала’) бытовали два варианта нисб الخوميّ ‘ал-’Хūми’, или же الترقاليّ ‘ат-’Турқāли’.

Одинаковые нисбы образуются иногда от второстепенных частей названий населенных пунктов, имеющих общие элементы в своем составе. К примеру, нисбы от населенных пунктов Темир-Хан-Шура и Кака-Шура должны были выглядеть соответственно по первому способу – التيمرخان شوراهيّ [’ат-’Тимірхāн-шūрāхи] и القاقه شوراهيّ [’ал-’Қāқашūрāхи], а по второму – التيمرخانيّ [’ат-’Тимірхāни] и القاقويّ [’ал-’Қāқаўи]. Однако обе нисбы в действительности в большинстве случаев одинаковы и имеют следующий вид الشراهيّ [’аш-’Шурāхи]. Тут следует оговорить, что третий вариант написания нисбы наименее информативен и использовался, как правило, когда корреспонденция не покидала своей микрорегион. В случае отсутствия в документе иных наводящих подсказок, будет затруднительно, а порой невозможно, определить какой именно населенный пункт подразумевается. В подобных случаях приходится ориентироваться на контекст документа, упоминание иных топонимов и микропонимов в тексте, сведения об адресате и адресанте, учитывать место их проживания и т.д.

Большинство аварских ойконимов является одной из форм местного падежа с различными аффиксами формоизменения: -да//тIа, -ль, -кь// -хь, -б. Имена относительные от них образуются путем присоединения к этим аффиксам

соответствующего окончания, например, العُرَادِيّ [’ал-’Уради] (из сел. Урада), الهدليّ [’ал-Хидали] (из сел. Гидатль), البقلخيّ [’ал-Бақлухи] (из сел. Батлух). Исключением из этого правила является образование нисб от топонимов с локативом «б» на конце слова. Этот последний под влиянием норм произношения аварского языка отбрасывается, что очевидно связано с тенденцией опускания его произношения в северных диалектах аварского языка [8, с. 635]. Так, в частности, образуются имена относительные الغُونِيّ [’ал-Гуни] (из сел. Гуниб), العُنْتِيّ [’ал-’Унти] (из сел. Унтиб), الطديّ [’ат-Тиди] (из сел. Тидиб) и т.д.

В источниках иногда встречается ойконимы, имеющие одинаковое написание, но различное произношение. Этот случай можно проиллюстрировать на примере написания названий сел Уриб и Ириб, имеющих идентичное написание без огласовок – عرب. В подобных случаях составители документов стремились избежать двусмыслия. Исследованные нами письменные источники позволяют выделить три способа решения этой проблемы: 1) полная огласовка нисбы, 2) частичная огласовка, 3) использование одной из слабых букв. Под частичной понимается проставление огласовки над одной-двумя ключевыми буквами, позволяющими подтолкнуть читателя к правильному чтению. В соответствии с этими способами встречаются следующие виды написания ойконимов – عُرْب, عُرْبِيّ, عورب, и нисбы к ним العُرِيّ [’ал-’Ури] или العوريّ [’ал-’Ури] и العيريّ [’ал-’Ири] (из сел. Ириб).

В письменных источниках встречаются случаи, когда арабографический вариант написания топонима может отличаться, порой существенно, от его современного названия. Это связано с тем, что имеются уже устоявшиеся, не всегда исторически и лингвистически точные, написания названий местных населенных пунктов на русском языке. Это утверждение наиболее ярко иллюстрируется именем относительным الاواريّ [’ал-’Аўари] (из сел. Авар), которое может ввести в замешательство недагестанских исследователей. На современных картах Дагестана нет населенного пункта под названием Авар. К тому же нашими современниками оно больше воспринимается как имя относительное, относящееся к этнической принадлежности. В то время как на самом деле Авар – это древнее название Хунзаха. И, соответственно, ал-Авари переводится как «хунзахский; из сел. Хунзах». Параллельно с этой в источниках фигурирует, и другая нисба, образованная непосредственно от названия Хунзах – الخنزاعيّ [’ал-Хунзāхи] и ее вариант الخنزاقِيّ [’ал-Хунзāқи]. В отличие от нисбы [’ал-Хунзāхи], имеющей отношении только к Хунзаху, понятие [’ал-’Аўари] в историческом смысле более широкое. Помимо значения «из Хунзаха», под этой нисбой подразумевался каждый житель сел и населенных пунктов, прежде всего на Хунзахском плато, подвластных Аварскому ханству.

В определенной степени те особенности, о которых говорилось в предыдущем абзаце свойственны нисбе اليخساويّ [’ал-Йахсāўи] и ее вариациям (اليخساويّ, اليخصي), которые образованы от названия кумыкского селения Яхсай (يخساي). Тут следует учитывать, что в русской традиции это село известно под названием Аксай. К этому же разряду относится нисба البونيّ [’ал-Буни], относящаяся к

андийскому селению Муни. Подобное же явление имеет место быть и с нисбой البيانيّ [’ал-Байāни], образованное от чеченского села Беной. Примечательно, что историческое названия Беноя на кумыкском, а вслед за ним и на аварском языках звучит именно как «Баян».

В названиях некоторых населенных пунктов тюркского происхождения имеет место такое интересное явление как сращивание, излишнее с точки зрения семантики, тюркского словообразовательного суффикса *-лы* или *-ли* с арабским окончанием *ي* -. После слова-основы сначала добавляется тюркский словообразовательный суффикс *-лы* или *-ли*, а затем уже к нему присоединяется арабское окончание *ي* -. По сути, происходит смысловое дублирование. Например, الترغوليّ [’ат-Тарғули] (из сел. Таргу), الجركايليّ [’ал-Чиркайли] (из сел. Чиркей), التلالّيّ [’ат-Талāли] (из сел. Тала Азербайджанской Республики).

В отдельных случаях при образовании относительных прилагательных на письме может выпадать одна или несколько корневых букв как это наблюдается, например, в нисбе от сел. Инча, которая имеет вид в الاچكيّ [’ал-’Ички].

Нисбы, приведенные в архаичном (без употребления долгот) написании иногда допускают вероятность неоднозначного прочтения топонимов, что влечет неправильное понимание текста документа. Так, в частности нисбу الارغنيّ есть соблазн прочесть как [’ал-’Арғуни] (из сел. Аргун) т.е. как название реки и одноименного населенного пункта, находящегося в Чеченской республике. Тогда как на самом деле речь идет об исторической форме написания нисбы дагестанского населенного пункта Аргвани, имеющем, если быть точнее, звучание [’ал-’Арғʷани]. Дело в том, что в данном случае мы имеем дело с лабиализацией велярных согласных, которая на письме не всегда отображалась [3, с. 118]. Такие прецеденты нередки, например, الكنديّ [’ал-Кʷанади] (из сел. Кванада), الخرتكونيّ [’ал-Хʷартикуни] (из сел. Хвартикуни) и др. Кстати, в случае с Аргвани помимо вышеприведенной имеется еще два варианта этой нисбы, где лабиализация отражена на письме – الارغونيّ [’ал-’Арғʷани] и الارغوانيّ [’ал-’Арғʷāни].

В отдельных случаях при образовании нисб может быть использована не основа слова на местном языке, обозначающее название села, а перевод его значения на арабский язык. Так, например, для села Кахаб-росо наряду с формой رخ رس [χаχ русу], которое в переводе с аварского языка означает «белое селение», используется его калька на арабском языке – القرية البيضاء [’ал-қарйа ’ал-байдауийа]. В отношении села Гимры, в исторических источниках наряду с формой الكمراويّ [’ал-Кимрауи] используется и другой вариант – الكمراويّ [’ал-Кумаṣрауи], что с арабского дословно переводится «грушевый». Дело в том, что аварское название этого села – Генуб дословно переводится «у груши». От аварского села Цада (букв. ‘в огне’) помимо формы الزاديّ [’ал-Цāди] употребляется нисба النارّيّ [’ан-Нāри], что переводится как «огненный». Нисба الدتونيّ [’ад-Датūни] производная от названия сел. Датуна, расположенного у реки Аварское Койсу, имеет параллель النهريّ [’ан-Нахри] (араб. букв. ‘речной’). К этой же категории относится нисба الغماميّ [’ал-Гамāми] (араб. букв. ‘облачный’), относящаяся к населенному пункту Накитль (букв. ‘в облаке’), расположенному

на вершине горы, который имеет основную нисбу النَكْفِيّ [’ан-Накифи]. Данное явление, несмотря на свою необычность, не является чем-то присущим арабскому языку только лишь в Дагестане. Подобные случаи встречаются и в средневековых арабских источниках. Их, по всей видимости, следует отнести к особенностям арабской географической традиции. Пожалуй, одним из наиболее ранних прецедентов подобного калькирования топонимов, расположенных на территории современного Дагестана, является гидроним نهر الغنم [нахр ’ал-Ғанам] (дословно – *овечья река*), упоминаемый в середине XIII в. у арабского историка и географа Ибн Саида ал-Магриби, что является точной арабской калькой тюркского названия реки Койсу (ср. кум. Къойсув), ныне называемой Сулак [9, с. 205].

В отдельных случаях в источниках встречается употребление одновременно двойных, тройных нисб. Это связано с особенностями территориального устройства региона. Дагестан ко времени начала масштабной российской экспансии в XVIII в. в административном плане состоял из нескольких феодальных владений (Тарковское Шамхальство, Засулакские бийлики, Кайтагское уцмийство, Аварское, Казикумухское ханства и т.д.) и союзов сельских общин (Акуша-Дарго, Андалал, Кутур-Кюре, Гидатль, Этек и т.д.). Практически каждый дагестанский населенный пункт строго соотносился с одним из этих образований.

Применительно, например, к письменной корреспонденции двойная нисба могла употребляться в том случае, когда корреспонденция покидала территорию микрорегиона и в этой связи возникала необходимость более детально уточнить местоположение адресанта. Например, как это имеет место быть с нисбами известного чеченского суфия Кунта-хаджи الحاج كنت المچيغيشيّ الالسخانيّ [’ал-хаджи Кунта ал-Мичйғиши ал-Иласхāни] (из сел. Иласхан-Юрт из Мичигиша). Другой известный чеченский алим Изнаура Несерхоева подписывал свои письма از نور الشيوطيّ الوردنيّ [’Изнаур аш-Шуйўти ал-Ўаранди] (из сел. Варанды из Шатоя).

Еще одной причиной написания второй нисбы является тот факт, что похожие или имеющие одинаковые буквы в составе корня ойконимы также могли иметь идентичные нисбы. В качестве примера можно привести имена относительные, образованные от названий сел. Гели Карабудахкентского и сел. Гиблиб Чародинского районов РД. Оба селения имеют нисбу الهليّ [’ал-Хили]. Аналогичный случай наблюдается и с отыменными прилагательными, образованными от названий сел. Гинта Акушинского и Гента Шамильского районов РД, имеющих одинаковую нисбу الهنطيّ [’ал-Хинти]. В подобных обстоятельствах, во избежание неясности и двусмысленности, употреблялось написание второй нисбы, уточняющей о каком именно ойкониме идет речь. Эта вторая нисба образовывалась от названия общества, округа или владения, к которому относится данное село. Например, الهليّ القصرخيّ [’ал-Хили ал-Қусрұхи] (из сел. Гиблиб, из сел. Тленсерух), الهنطيّ الاقوشيّ [’ал-Хинти ал-Ақұши] (из сел. Гинта из Акуши) или الهنطيّ الهدليّ [’ал-Хинти ал-Хидали] (из сел. Гента из сел. Гидатль).

В документах встречается и тройная нисба. Этой третьей нисбой обозначался макрорегион, к которому относилось то или иное владение или общество. Как правило, подобное тройное определение применялось к людям, в рамках своей деятельности вышедших за границы своего региона. В качестве примера можно привести имена относительные дагестанского ученого, поэта и просветителя Гасана ал-Алкадари *حسن الداغستاني الكوريّ الالفداريّ* [’ал-Алқадари ал-Кӯри ад-Дағистāни] (из сел. Алкадар, Кюринского округа из Дагестана). Другой дагестанский ученый, суфий Сайфулла-кади Башларов имел нисбы *سيف الله النزوكرّي الغازيغموقيّ* [’ан-Ницуўкри ал-Ғāзи-Ғумӯқи ад-Дағистāни] (из сел. Ницовкра из Казикумухского округа из Дагестана).

Тут уместно дать некоторые пояснения к нисбе ‘ад-Дагистани’. В исследуемый период она использовалась не только в отношении жителей собственно Дагестана, а выходила за его современные административные границы. В понятие «Дагестан» входила территория от Ширвана и до Ингушетии. В качестве примера можно привести нисбы известного в Чечне исламского ученого, суфия *شهاب الدين البمديّ الداغستانيّ* [’Шихабуддин ал-Баммади ад-Дағистāни] (из сел. Баммат-Юрт из Дагестана). Подобным же образом определял себя другой чеченский ученый Шамсуддин сын Аута – *شمس الدين ابن الحاج اوت الشاليّ الداغستاني* [’аш-Шāли ’ад-Дағистāни] (из сел. Шали из Дагестана). При этом оба населенных пункта (Баммат-Юрт и Шали) расположены на территории современной Чеченской Республики. Нисбой [’ад-Дағистāни] могли именоваться также жители северных районов соседнего Азербайджана. Эту нисбу носил широко известный всему исламскому миру шафиитский факих, ученый *عبد الحميد الشروانيّ الداغستانيّ* [’Абдулхамид ’аш-Ширӯāни ’ад-Дағистāни] (из Ширвана из Дагестана).

Аналогично обстояло дело и в других регионах Северного Кавказа. Известный балкарский ученый Айдарук-хаджи Глашев, в конце XIX в. обучавшийся в сел. Аксай, в арабоязычных документах той поры упоминается как *ايدروك الكلاشيّ البلقاريّ الجركيسي* [’Айдаруқ ’ал-Калāши ’ал-Балқāри ’ал-Чаркйси] (Айдарук из сел. Глашево из Балкарии из Черкесии).

Таким образом, в случае возникновения необходимости более полного и точного определения человека при помощи нисб, соблюдалась следующая схема идентификации по восходящей: село → владение или союз сельских общин → макрорегион.

За свою жизнь человек мог иметь несколько разных нисб. Они могли быть образованы по месту рождения, и по месту проживания, если речь идет об умерших, то иногда употребляют по месту погребения. Так в эпитафии известного накшбандийского шейха Башира ал-Йахсави написано следующее:

*صاحب الحجر الشيخ المحقق المرشد المدقق بشير نجل كوكي الاندراوي مولدا واليخساوي
مسكنا ومدفنا*

«Хозяин этого камня шейх, наставник Башир сын Гоги, ал-Индираўи (из сел. Эндирей) по рождению, и ал-Йахсāўи (из сел. Яхсай (Аксай) по проживанию и месту захоронения».

В отношении одного человека могли использоваться нескольких нисб, которые обозначали места, где он жил, учился, работал в разные периоды жизни. В таких случаях они обычно перечисляются через арабский союз *ثم* «затем». Например, *خان مرضى المزال اولي ثم الكستاكّي ثم الكنجه اولي* ‘Ханмурза ал-Муцāлауули (из сел. Муцалаул) затем ал-Кустāки (из сел. Костек) затем ал-Кинджиауули (из сел. Генжеаул). Один из чеченских алимов, находясь в ссылке в Казахстане, подписывался в письмах как *المسفلّي الشبوتي اولا ثم السيبيري* «сначала ал-Мусқали (из сел. Мускали) аш-Шуйути (из обл. Шатой) затем ас-Сйбйри (из Сибири)».

С первой четверти XX вв. в отдельных случаях нисба стала употребляться для обозначения национальности, чего не наблюдается в документах более раннего периода, например, ал-Кумуки (кумык), ал-Авари (аварец), ад-Дарки (даргинец) и т.д. К примеру, это можно наблюдать в работе мусульманского ученого Назира ад-Дургели (из сел. Дургели) [10, с. 48, 51, 95, 145].

Примечательно, что некоторые нисбы со временем перешли в разряд имен собственных, например, Яраги, Ширвани, Гилани, Низами, Гянджеви и др. Как правило это нисбы известных и уважаемых личностей (ученых, поэтов и т.д.).

При расшифровке нисб нами были использованы многочисленные дореволюционные издания (АКАК, Кавказский календарь, Сборник сведений о кавказских горцах, Терский вестник и т.д.). Среди современных опубликованных источников следует особо выделить сборники по административно-территориальному делению Дагестана как досоветского периода [11], так более позднего времени [12]. При идентификации топонимов аварского [8, с. 633-704] и лакского [13, с. 344-397.] происхождения существенную помощь оказали словари соответствующих языков, в которых имеются приложения со списком местных топонимических названий. При работе с чеченскими топонимами мы ориентировались на работу А. Сулейманова [14].

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что это пока предварительные обобщения по данной теме. Разумеется, некоторые тезисы, изложенные в этой работе в дальнейшем, будут уточняться, дополняться, развиваться, пересматриваться. Одним словом, в этом направлении еще предстоит много работать.

В качестве иллюстративного материала в конце данной статье приводится приложение, в котором приводятся все выявленные и идентифицированные нами нисбы¹. При его составлении использовался следующий принцип построения. В виду того, что данная статья задумана в первую очередь как практическое пособие для исследователей-востоковедов, относительные прилагательные даны в арабском алфавитном порядке, что существенно облегчает их нахождение. К каждой нисбе приводятся краткие сведения об их современной административно-территориальной принадлежности. Различные варианты написания нисбы одного и того же ойконима также даются не вместе, а в отдельных строках в соответствии с алфавитом. Среди изученных нами документов встречаются как полностью огласованные нисбы, частично огласованные,

1 С приложением-словарем нисб, составленным автором статьи, можно ознакомиться по ссылке <https://caucasushistory.ru/2618-6772/editor/downloadFile/1695/4303>

так и нисбы вовсе без огласовок, последних было большинство. Для сохранения единообразия написания все нисбы приводятся без огласовок. Большинство нисб уверенно идентифицированы, тем не менее при наличии каких-либо сомнений в точности определения нисб после названия населенного пункта выставлен вопросительный знак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, археологии средневекового Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2008. – 560 с.
2. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Том 5. – М., Л.: Издательство Академии наук, 1958. – 528 с.
3. Бобровников В.О. Опыт историко-топонимического словаря аварских нисб из Горного Дагестана XVII–XX вв. // Инновации и традиции в арабистике и исламоведении. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. – 340 с.
4. Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в.: (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комедант»). – Махачкала, 2002. – 482 с.
5. Кумыкско-русский словарь. / Под редакцией З.З. Бамматова. – М.: Издательство «Советская энциклопедия». 1969. – 408 с.
6. Магомедов А.Г. Кумыкский язык. // Языки народов СССР. В пяти томах. Том 2. Тюркские языки. – М.: «Наука», 1966. – 532 с.
7. Саидов М.С. Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. – Махачкала: [б. и.], 1948. - Выпуск I. – 140 с.
8. Аварско-русский словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1967. – 806 с.
9. ابن سعيد المغربي كتاب الجغرافيا بيروت ١٧٩١ ص. ٥٠٢
10. Назир ад-Дургили. Усила умов в биографиях дагестанских ученых / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. – М.: Изд. дом Марджани, 2012. – 207с.

REFERENCES

1. Shikhsaidov AR. *Essays on the history, source study, archeography of medieval Dagestan [Ocherki istorii, istochnikovedeniya, arkheografii srednevekovogo Dagestana]*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2008. (In Russ)
2. Krachkovsky IYu. *Selected Works*. Vol. 5. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences, 1958. (In Russ)
3. Bobrovnikov VO. An experience of the historical toponymic dictionary of Avar nisbas from Highland Dagestan of the 17th – 20th centuries. [Opyt istoriko-toponimicheskogo slovarya avarskikh nisb iz Gornogo Dagestana XVII–XX vv. *Innovations and Traditions in Arabic and Islamic Studies [Innovatsii i traditsii v arabistike i islamovedenii]*. Saint Petersburg: SPBU Publ., 2019. (In Russ)
4. Orazayev GM-R. *Monuments of the Turkic-speaking business correspondence in Dagestan in the 18th century: (Experience in the historical and philological study of documents from the Kizlyar Commandant Foundation) [Pamyatniki tyurkoyazychnoy delovoy perepiski v Dagestane XVIII v.: (Opyt istoriko-filologicheskogo issledovaniya dokumentov fonda «Kizlyarskiy komendant»)]*. Makhachkala, 2002. (In Russ)
5. *Kumyk-Russian dictionary*. Z.Z. Bammatov (ed.). Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969.
6. Magomedov AG. Kumyk language [Kumyskiy yazyk] *Languages of the peoples of the USSR. In five volumes. Volume 2. Turkic languages [Yazyki narodov SSSR. V pyati tomakh. Tom 2. Tyurkskie yazyki]*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)
7. Saidov MS. The emergence of writing

11. Административно-территориальное деление Дагестанской области 1860-1921 гг. Сборник документов и материалов. – Махачкала: АЛЕФ, 2011. – 380 с.
12. Административно-территориальное деление Дагестана за 1920-2000 гг. – Махачкала, 2003. – 403 с.
13. Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. – 424 с.
14. Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006. – 712 с.
- among the Avars [Vozniknovenie pis'mennosti u avartsev] *Languages of Dagestan [Yazyki Dagestana]*. Makhachkala, 1948. (In Russ)
8. *Avar-Russian dictionary [Avarsko-russkiy slovar']*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1967.
9. ابن سعيد المغربي كتاب الجغرافيا بيروت ١٩٧٠ ص. ٢٠٥. Ibn Said of Maghreb. *Geography*. Beirut, 1970.
10. Nazir ad-Durgili. *Delight of minds in the biographies of Dagestan scholars*. A.R. Shikhaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov (eds., transl.). Moscow: Mardjani, 2012.
11. *Administrative-territorial division of the Dagestan region in 1860-1921. Collection of documents and materials [Administrativno-territorial'noe delenie Dagestanskoy oblasti 1860-1921 gg. Sbornik dokumentov i materialov]*. Makhachkala: ALEF, 2011.
12. *Administrative-territorial division of Dagestan for 1920-2000 [Administrativno-territorial'noe delenie Dagestana za 1920-2000 gg]*. Makhachkala, 2003.
13. Khaidakov SM. *Lak-Russian dictionary [Laksko-russkiy slovar']*. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1962.
14. Suleimanov A. *Toponymy of Chechnya [Toponimiya Chechni]*. - Grozny: Book Publishing House, 2006.

Статья поступила в редакцию 09.03.2021 г.